

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ УРАЛЬСКОГО СКИТНИКА

Старообрядчество в XVIII — XIX веках было одной из важнейших составляющих религиозного ландшафта горнозаводского Урала. Исследователи неоднократно обращались к проблематике, связанной с историей старообрядческих общин, расположенных в подзаводских поселках и деревнях. Гораздо меньше внимания уделялось скитским поселениям уральских староверов. Вместе с тем, по имеющимся у нас материалам, счет таких населенных пунктов идет даже не на десятки, а на сотни.

Скиты значительно различались между собой по «статусу» и размерам. Существовали старообрядческие пустыни (как правило, весьма многолюдные), которые считались «гласными» (т. е. полулегальными). Власти знали о них, но до поры не предпринимали особых мер по ликвидации этих «рассадников раскола». Значительно больше было скитов тайных, представлявших то небольшой поселок в тайге, то отдельную избушку, а то и вовсе — подвал, выкопанный под жилым домом.

В 1840-е гг. старообрядческих скитников-одинок, живших в избушках в труднодоступных местах, вылавливали десятками. Называя основную причину своих отлучек с мест приписки, большинство из них говорили кратко, но емко: «удалился для богомолья». Значительно реже причиной ухода от суетного мира становились «преклонная старость и болезни» [2, л. 7]. И уж совсем редко в архивных делах встречаются фразы, за которыми стоят полные драматизма жизненные коллизии: «ушел в леса, не имея средств к удержанию жены своей Настасьи Степановой от распутства и неповиновения» (крестьянин д. Галашки И. А. Колесников, 42-х лет) [1, л. 16].

Изучение документальных материалов по расколу позволяет утверждать, что рядом почти с каждым частновладельческим заводом на Урале располагался более или менее крупный скитский центр: Черноисточинский, Веселогорский (близ Невьянска), Красноярский (близ Ревды), Верхнетагильский, Каслинский, Висимо-Шайтанский и т. д.

В окрестностях Быньговского завода в конце 1820-х гг. возникли сразу три старообрядческих пустыни. Самым большим был Успенский скит, находившийся в 12-ти верстах от заводского поселка на р. Нейве. «Братии скоплялось здесь 12 — 14 человек», проживавших в нескольких кельях [3, с. 552]. Благовещенский скит располагался в 6 верстах от завода при впадении р. Светлой в Таволгу. «Для жилья скитников служила большая изба с перегородками; скит был огорожен тыном, а возле избы была часовня и при ней небольшие колокола» [3, с. 552]. Оба эти скита были уничтожены властями в начале 1830-х гг. Третий скит (Воздвиженский) воз-

главлял игумен Арсений. При нем скит был перемещен с р. Нейвы в более глухие места — на гору «Кабак», но там тоже был обнаружен властями и разорен.

Нам удалось найти материалы, которые достаточно подробно освещают биографию о. Арсения и историю его дальнейшей жизни. Судьба этого человека, при общей типичности его жизненных коллизий, представляет определенный интерес хотя бы потому, что в 1820-е — 1840-е гг. именно его считали «вожаком быньговских раскольников», и одной из ключевых фигур всего невянского старообрядческого центра.

Никита Алексеев по прозвищу Бабкин родился в 1782 г. в семье крепостных заводских людей Быньговского завода. По его собственным словам, «грамоте читать учен, а писать не умею. Вероисповедания грекороссийского, состою в расколе секты беглопоповщины, на исповеди и у святого причастия бывал у беглых попов» [1, л. 14]. Первый раз Н. Бабкин покинул отчий дом в 1815 г., когда «ушел в леса спасаться». В 1816 г. в тайных кельях за Белыми горами, в дачах Верх-Исетского завода старообрядческим иеромонахом Иоасафом был пострижен с именем Арсений. По его словам, около 10 лет Арсений жил уединенно в лесной избушке, но в 1827 г. покинул скит и «сам явился в свидетельство» в Невьянск. Эта идея Бабкина имела успех: по манифесту 1826 г. он был освобожден от наказания за самовольную отлучку с завода.

Очевидно вскоре после этого о. Арсений снова покинул дом в заводском селении и устроил новый скит, который сам и возглавил. Правда, о событиях конца 1820-х — начала 1830-х гг. он говорил явно неохотно, путая следователей. На одном допросе Арсений признал, что действительно был пойман в 1830 или 1831 гг., но позже заявил, что «в 1830 или 1831 годах я пойман нигде и никем не был, потому что в это время находился в Быньговском заводе» [1, л. 15 об.]. Скорее всего в 1830 г. Арсению каким-то образом удалось избежать наказания за устройство скита и остаться на свободе.

Третий раз Бабкин бежал с завода в июне 1838 г. Теперь он ушел действительно далеко — «в непроезжие болота» верстах в 18-ти от Висимо-Уткинского завода, в 3 верстах от р. Ашки. Здесь в логу, где протекает родник, в густом ельнике Арсений устроил себе келью: «Избушка построена из елового и пихтового леса, покрыта еловой корою, вкопанная до половины в землю, с двумя небольшими квадратными в две четверти окошками с стеклянными окончиками. Она имеет длины 3 $\frac{1}{2}$ аршина, ширины 2 $\frac{1}{2}$ аршина, вышиною внутри жилья 2 аршина 4 вершка; пол и потолок деревянные, тесанные. При входе в избушку прорублены двери. В этой избушке сбита из глины печь, а около стен прикреплены полки и лавки деревянные; первые — для икон, а последние — для отдохновения. Сделаны для одного человека полати» [1, л. 7].

В мае 1840 г. убежище Арсения было обнаружено, сам он арестован, а имущество описано. Отягчающим обстоятельством служило то, что при обыске в скиту нашли предметы необходимые для причащения («сосудец с ложечкою, всенощной хлеб и другие принадлежности»). Однако Арсений защищался очень грамотно, заявив, что треб у раскольников он не совершал, что к нему вообще никто не ходил, а жил он «занимаясь богомолем и пропитываясь взятым при отлучке хлебом» (хотя неясно как один человек мог унести с собой 15 пудов ржаной и 5 пудов пшеничной муки, обнаруженных в скиту). «Найденные для причастия вещи... хранятся у меня по смерти моего отца безо всякой надобности употребления, единственно для того, что уничтожить их считал неприличным и даже за грех тяжкий» [1, л. 15].

Неизвестно, как бы закончилось для Арсения судебное разбирательство, но в сентябре 1840 г. он «сделался отчаянно болен», был освидетельствован врачом и отпущен на поруки жителя Невьянского завода И. Кочурина. Однако вскоре свершилось «чудо» — 58-летний скитский старец внезапно совершенно исцелился. В марте 1843 г., согласно предписания министра внутренних дел, его надлежало «держать в городской тюрьме 3 месяца, а затем водворить в место, где он числится» [1, л. 65]. Последнее свидетельство об о. Арсении обнаружено в материалах 9 ревизии (1850 г.), где напротив его фамилии вполне ожидаемо читается примечание: «давно в бегах».

-
1. ГАСО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 85.
 2. ГАСО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 192.
 3. Страничка о Быньговском селении Екатеринбургского уезда // Екатеринбургская неделя. 1883. № 34.

Ю. В. Боровик

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ СТАРООБРЯДЦЕВ-ЧАСОВЕННЫХ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА: ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА

*Работа выполнена на средства гранта РФФИ 16-18-10105
«Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX —
начале XX вв. на примере Урала и Скандинавии»*

Практика ведения метрических книг самими старообрядцами начинается после издания Положения «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» 17 октября 1906 г. До этого времени,